

Информация для цитирования:

Крот М. Н. Интеграционная политика в Северо-Западном крае Российской империи во второй половине XIX — начале XX веков / М. Н. Крот, О. О. Завьялова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 7. — С. 374—392. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-374-392.

Krot, M. N., Zavyalova, O. O. (2023). Integration Policy in Northwestern Region of Russian Empire in Second Half of 19th — Early 20th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 12 (7): 374-392. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-374-392. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-374-392

Интеграционная политика в Северо-Западном крае Российской империи во второй половине XIX — начале XX веков

Крот Максим Николаевич

orcid.org/0000-0001-5855-8160

кандидат исторических наук, доцент
кафедры специальных исторических
дисциплин и методики преподавания
истории и обществознания
mnkrot@sfedu.ru

Завьялова Оксана Олеговна *

orcid.org/0000-0002-5219-958X

кандидат исторических наук,
кафедра отечественной истории
Средних веков и Нового времени,

***корреспондирующий автор**
zavyalova@sfedu.ru

Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой
поддержке Российского научного фонда,
проект № 22-28-01912
««Мягкая сила» империи: неконфликтные
формы и практики интеграции
западных регионов России
в 1881—1904 гг.»

Integration Policy in Northwestern Region of Russian Empire in Second Half of 19th — Early 20th Centuries

Maxim N. Krot

orcid.org/0000-0001-5855-8160

PhD in History, Associate Professor,
Department of Special Historical
Disciplines and Methods
of Teaching History and Social Science
mnkrot@sfedu.ru

Oksana O. Zavyalova *

orcid.org/0000-0002-5219-958X

PhD in History,
Department of Russian History
of the Middle Ages and Modern Times,

*** Corresponding author**
zavyalova@sfedu.ru

Southern Federal University
(Rostov-on-Don, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number № 22-28-01912
“«Soft power» of the empire:
non-conflict forms and practices
of integration of the western regions
of Russia in 1881—1904”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу коммеморативных практик, реализуемых российскими властями в Северо-Западном крае в конце XIX — начале XX веков, являвшихся ключевым элементом интегративной стратегии «мягкой силы». Проанализировано формирование мемориальной концепции, в основе которой лежала идея «исконной русскости» края и «восстановления» утраченного единства данной территории с коренной Россией. В статье детально рассматривается комплекс мемориальных мероприятий, связанных с чествованием памяти Свв. Кирилла и Мефодия, императрицы Екатерины II, виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева, чья деятельность связана с приобщением региона к российскому культурному и цивилизационному пространству. Особое внимание уделяется идейным основам и интеллектуальному сопровождению юбилейных торжеств, направленных на утверждение в публичном пространстве ценностей доминант российской политической культуры. Делается вывод о том, что рассматриваемые коммеморативные практики выступали значимым элементом символической политики властей, призванной подтвердить моральное право России на управление и аккультурацию данных территорий на основе русских цивилизационных начал. Отмечается, что данные мероприятия, являвшиеся частью общегосударственной мемориальной политики, были направлены на поддержание официального дискурса в северо-западных губерниях, основу которого составляла идея «русского культурного первенства».

Ключевые слова:

Российская империя; Северо-Западный край; политика памяти; историческая политика; символическая политика; коммеморация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the commemorative practices implemented by the Russian authorities in the Northwestern region at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries, which were a key element of the integrative strategy of 'soft power'. The formation of a memorial concept based on the idea of the 'original Russian identity' of the region and the 'restoration' of the lost unity with the core of Russia is analyzed. The article provides a detailed examination of the complex of memorial events associated with the commemoration of Saints Cyril and Methodius, Empress Catherine II, and Vilnius Governor-General M. N. Muravyov, whose activities were linked to the region's integration into the Russian cultural and civilizational space. Special attention is given to the ideological foundations and intellectual support of anniversary celebrations aimed at asserting the dominant values of Russian political culture in the public sphere. It is concluded that these commemorative practices served as a significant element of symbolic politics by the authorities, aimed at affirming Russia's moral right to govern and acculturate these territories based on Russian civilizational principles. It is noted that these events, which were part of the overall state memorial policy, were aimed at maintaining the official discourse in the Northwestern provinces, with the idea of 'Russian cultural primacy' as its foundation.

Key words:

Russian Empire; Northwestern region; memory politics; historical politics; symbolic politics; commemoration.

Интеграционная политика в Северо-Западном крае Российской империи во второй половине XIX — начале XX веков

© Крот М. Н., Завьялова О. О., 2023

1. Введение = Introduction

После подавления Январского восстания 1863—1864 годов западные окраины Российской империи стали ареной борьбы конкурирующих исторических нарративов, обосновавших политическую принадлежность данных территорий к польскому или российскому цивилизационному пространству. Центральное место в политике памяти, проводимой в регионе, занимал концепт его «исконной русскости» и «восстановления» утраченного единства данной территории с коренной Россией.

В конце XIX — начале XX веков политика исторической памяти являлась значимой составляющей интегративной стратегии «мягкой силы», реализуемой в западных регионах Российской империи [Крот, 2022]. Мемориальные мероприятия российских властей были направлены на утверждение в публичном пространстве ценностных доминант имперской политической культуры и ее позитивного символического капитала [Бурдые, 2007, с. 95]. Его основу составлял комплекс идейных, духовных и ценностных установок, способных привить местному населению осознание принадлежности к русской территории и чувство сопричастности к историческому развитию Российского государства, провозглашавших незыблемость государственного порядка и нерушимость авторитета и силы верховной власти русского монарха. Отбор и ретрансляция событий регионального прошлого, их репрезентация под определенным углом зрения выступали интеллектуальными инструментами «конструирования» символического пространства Северо-Западного края и одновременно одним из способов его познания. Перефразируя выражение А. Н. Уайтхеда, в формируемом символическом капитале российская администрация в Северо-Западном крае «искала символ власти, чтобы выразить себя» [Уайтхед, 1999, с. 46].

Государственная мемориальная политика, направленная на формирование единого пространства памяти, сближавшего центр и западные окраинные регионы, выступала одним из действенных способов преодоления атомизации и фрагментарности в таком сложносоставном и гетерогенном

государстве, как Российская империя. Она включала как отдельные коммеморативные практики, закреплявшие и передававшие память о прошлом в общественном сознании путем актов «социальной солидаризации» [Мегилл, 2007, с. 116], так и создание институционально-организационных форм и площадок: музеев, памятников, просветительских обществ, — посредством которых могла происходить ретрансляция и популяризация памяти о прошлом в публичном пространстве. Указанные мемориальные практики, связанные с политическим использованием истории, были направлены на поиск «символической стабильности» в прошлом, способной придать ощущение цели в настоящем [Vázquez-Liñán, 2017, p. 78].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Отдельные аспекты политики памяти в Российской империи, реализуемой на западных окраинах, ранее становились предметом научных исследований, посвященных истории проведения юбилейных торжеств и празднеств в контексте выстраивания единого государственного пространства в социокультурной и религиозной сферах. Мероприятия российских властей по формированию коллективной исторической памяти о виленском генерал-губернаторе М. Н. Муравьеве как символе русской власти в своей работе рассмотрел белорусский исследователь А. Ю. Бендин [Бендин, 2017, с. 5—6]. Другой белорусский историк В. Н. Черепица проанализировал значение юбилейных торжеств, связанных с восстановлением Виленского собора Пречистой Божией Матери в честь ее Успения, для укрепления позиций православной веры в Северо-Западном крае [Черепица, 2012]. Коммеморативные практики, направленные на символическое присвоение и русификацию городского пространства Вильны, рассмотрел в статье российский исследователь М. Д. Долбилов [Долбилов, 2017]. В своей работе он уделил внимание формированию «амбивалентной символичности» города, конструированию его «русских образов» во второй половине XIX века в контексте правительственной интегративной политики на западных окраинах империи и распространения российского политического дискурса. О «мании юбилеев» в период правления Александра III как способе вызвать у подданных чувство лояльности к правящей династии писал Р. Уортман, рассматривавший отдельные приемы символической репрезентации власти и «воскрешения давнего прошлого» на фоне русификации и внедрения национального мифа [Уортман, 2004, с. 322—326]. В своем исследовании литовский историк Д. Сталюнас назвал мемориальные практики российских властей рубежа XIX—XX веков «символическим захватом пространства», наиболее ярко проявившимся во время торжеств, связанных с установлением памятника М. Н. Муравье-

ву в Вильне в 1898 году. По его мнению, данное событие было призвано концептуализировать в официальном российском дискурсе представление о Северо-Западном крае как о русской «национальной территории» [Сталюнас, 2022, с. 110—114].

Однако в исследовательской литературе в настоящее время отсутствуют попытки провести комплексный анализ основных направлений государственной мемориальной политики в западных регионах в конце XIX — начале XX веков в контексте реализации стратегии «мягкой силы», связанной с системным использованием имперской администрацией неконфликтных интегративных методов.

В ходе проведения исследования были использованы архивные материалы Национального исторического архива Беларуси (НИАБ), отражающие особенности реализации мемориальной политики в Северо-Западном крае в рамках организации торжественных мероприятий, посвященных чествованию наиболее значимых юбилейных дат, выстраивающих концепцию неотъемлемой принадлежности региона к российскому государственному пространству. Также к исследованию привлечены материалы региональной периодической печати, детально освещающие подготовку, проведение и идейную направленность наиболее значимых коммеморативных практик, проводимых в регионе в конце XIX — начале XX веков.

В качестве теоретико-методологической основы работы использовался конструкт «символическая политика», под которым современные исследователи понимают «публичную деятельность, связанную с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование» [Малинова и др., 2021, с. 11]. Исходя из данной позиции, политика памяти выступает частным случаем символической политики. В качестве одного из методологических приемов использовался дискурс-анализ газетных материалов, направленный на выявление элементов государственного интегративного концепта и особенностей конструирования ключевых символов российской национальной политики в Северо-Западном крае.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Православно-славяно-русский» юбилей: памятные мероприятия в честь Свв. Кирилла и Мефодия

В последние десятилетия XIX века на первый план выходит национальная основа политической культуры российского самодержавия, что вело к актуализации содержательного наполнения и позиционирования господствующих политических идеалов и ценностей, направленных на репрезентацию Российской империи как национальной монархии [Уортман, 2004, с. 349]. Государственная мемориальная политика, проводимая прави-

тельством в этот период в западных окраинных регионах, была направлена на «закрепление» их в составе российского национально-государственного пространства и распространения среди местного населения общероссийского патриотизма. В это время формируется мемориальная концепция, включавшая в себя три символические вехи, связанные с приобщением Северо-Западного края к России.

Первая из них была связана со становлением единого культурно-языкового и религиозного пространства, которое рассматривалось как результат деятельности славянских просветителей Кирилла и Мефодия, игравших особую роль в символическом капитале Российской империи. С начала 1860-х годов в контексте актуализации кирилло-мефодиевской тематики в христианских странах образы святых первоучителей были призваны воплотить идею политического и религиозного всеславянского единения под эгидой России, своеобразно преломлявшуюся на территории западных окраинных регионов. В 1870—1880-е годы в ответ на «присвоение» в политических целях римско-католической церковью кирилло-мефодиевского наследия в символическом пространстве Российской империи имена Свв. Кирилла и Мефодия становятся знаменем борьбы против католицизма, значимыми элементами символической политики российских властей.

Инициированные Римской Церковью в Велеграде пышные юбилейные торжества, приуроченные к 1000-летию кончины Св. Мефодия 6 апреля 1885 года, названные в русской печати «демонстрацией против России и православия» [Велеград, 1885, с. 134], вызвали ответные меры по организации широкого празднования этой юбилейной даты во многих городах и селах Российской империи, ответственным за которые был назначен Обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев. В своем письме к Александру III от 3 апреля 1885 года он особо подчеркивал значимость масштабного торжества в контексте борьбы с латинской пропагандой, отмечая его особую роль в деле укрепления «чувства национальности и понятия о просвещении, связанном с церковью» в сознании местного населения [Победоносцев, 1926, т. 2, с. 71]. С этой же целью Министерство народного просвещения признавало «весьма желательным» распространение в сельских школах Виленского учебного округа юбилейных сочинений, изданных в память тысячелетия со дня кончины Св. Мефодия [НИАБ, ф. 2507, оп. 1, д. 1714, л. 1].

Коммеморативные практики кирилло-мефодиевского юбилея в России имели ярко выраженную антикатолическую риторику и были направлены на усиление чувств религиозной сопричастности и единения населения Западного края с остальной частью империи. Антикатолическое звучание праздника нашло отражение в торжественных речах, произнесенных 6 и 7 апреля 1885 года, в которых особо подчеркивалась «борьба смыслов»,

развернувшаяся между православным и католическим славянством за чествование памяти Свв. Кирилла и Мефодия. В них отмечался «православно-славяно-русский» характер мефодиевского торжества [Речь П. Д. Мелиоранского, 1885, с. 167], артикулировалось право России «ревниво оберегать» наследство святых братьев. В речи ученого-историка А. В. Белецкого, занимавшегося изучением прошлого края, было отмечено, что именно верность заветам «славянских апостолов», выраженная в сохранении богослужения на родном языке, позволила народным массам сохранить чистоту веры в период унии, поддерживая в них сознание духовной близости с Восточной Русью и православной церковью, что являлось залогом прочного единения Северо-Западного края с Россией и в современный период [Речь А. В. Белецкого, 1885, с. 154]. В торжественных речах также подчеркивалась значимость просвещения народа в религиозно-церковном духе в рамках расширения сети церковно-приходских школ [Анастасий Архимандрит, 1885, с. 149—150], что закрепляло в общественном сознании идею о покровительстве солунских братьев народному образованию.

Публичные массовые чествования «тружеников славянского слова» имели подчеркнуто православный характер и должны были подтвердить статус северо-западных окраин как земель «православного славянства», а также укрепить имперскую идеологию и поддержать политику формирования национально-религиозного самосознания среди местного населения. Так, в тематических статьях «Литовских епархиальных ведомостей» отмечалось, что при проведении в Вильне торжественных богослужений 6 апреля 1885 года городские церкви были переполнены воспитанниками учебных заведений, а вся соборная площадь перед Пречистенским собором и прилегающие к ней улицы были заполнены людьми не только православного, но лютеранского и католического вероисповеданий [Вильна, 1885, с. 133; Празднование..., 1885, с. 140—141; Мефодиевское торжество..., 1885, с. 166]. В Литовской духовной семинарии торжественную речь, содержавшую подробный рассказ о просветительской миссии солунских братьев в Моравии, произнес видный историк-западнорусист П. Н. Жукович. В ней он подчеркнул общеславянское значение праздника и назвал память о Св. братьях «пунктом» взаимного духовного единения славян [Речь на акте..., 1885, с. 148].

Актуализация историко-культурного и духовного наследия, связанного с деятельностью Свв. братьев Кирилла и Мефодия, на территории Северо-Западного края имела особое государственное значение и была направлена на конструирование и утверждение общерусской идентичности, где основными объединяющими элементами выступали русский язык, грамотность и образование. Транслируемые в рамках юбилейного торжества ценности кирилло-мефодиевской традиции — миролюбие и «неизменная

верность» — выступали основной историко-культурных мотиваций при реализации интегративной стратегии «мягкой силы» Российской империи.

3.2. «Отторженная возвратих»: особенности меморизации исторических заслуг Екатерины II в Северо-Западном крае

Одной из ключевых фигур западнорусского исторического нарратива и вследствие этого важнейшим объектом официальной политики меморизации стала императрица Екатерина II, деятельность которой в официальной историографии трактовалась как восстановление «естественного» права России на управление и «цивилизацию» Северо-Западного края посредством русского культурного кода в полном соответствии с провозглашенным императрицей девизом «Отторженная возвратих» [Коялович, 1884. с. 306].

Для российских властей особенно важно было внедрить данную оценку заслуг Екатерины II в сознание молодого поколения, вследствие чего основным рычагом интеллектуального воздействия становились мероприятия, проводимые в образовательных учреждениях. Так, руководство Виленского учебного округа инициировало проведение в ноябре 1896 года серии памятных мероприятий в подведомственных ему учебных заведениях, приуроченных к столетней годовщине смерти императрицы. Они в обязательном порядке должны были включать в себя не только торжественные богослужения и панихиды, но и лекции и беседы с учащимися, в которых разъяснялась и подчеркивалась бы особая «благодетельная» роль царствования Екатерины II для Северо-Западного края [НИАБ, ф. 458, оп. 1, д. 194, л. 4]. Конкретизируя содержание этой роли, глава учебного округа Н. А. Сергиевский указывал на необходимость внедрения в сознание учащихся представления о том, что именно благодаря государственной мудрости императрицы удалось «порвать узы, насильственно привязавшие русский Северо-Западный край к Польше, и получить возможность развиваться под охраной русских законов в мире и спокойствии, в сближении с остальной Россией, от которой он был отнят некогда нечастными обстоятельствами» [Там же, л. 1 об.]. Примечательно, что идеологическая установка «Отторгнуты насилием, воссоединены любовью», первоначально сформулированная в 1839 году в отношении воссоединения униатской церкви с православием, теперь фактически распространялась на воссоединение западных окраин с Россией.

В соответствии с данным тезисом выстраивалась концептуальная основа чествования Екатерины II во время открытия памятника императрице 10 сентября 1904 года в Вильне, проходившего в чрезвычайно торжественной обстановке, чему способствовало присутствие значимого представителя императорской фамилии, брата императора Николая II, Великого князя Михаила Александровича [Вильна, 1904, с. 1]. Памятник был исполнен уроженцем Вильны — знаменитым скульптором М. М. Антокольским, кото-

рый, по словам князя В. И. Друцкого-Любецкого, обладал «русским духом и глубоким чувством русского патриотизма» [К открытию памятника..., 1904, с. 2]. В газетных публикациях, приуроченных к открытию памятника, отмечалось, что Екатерина II призвала население края к культурной и свободной жизни [История сооружения ..., 1904, с. 2], «доброе, порядочное, правосудное, снисходительное, кроткое и человеколюбивое управление» императрицы, не желавшей кардинально менять сложившийся в крае порядок, противопоставлялось «анархии республики польской» [Вильна, 1904, с. 1].

К открытию памятника Екатерине II в Вильне был приурочен целый комплекс мероприятий, проводимых в учебных заведениях всех типов, включавший в себя публичные чтения, лекции, литературно-вокальные вечера, в ходе которых должно было всячески подчеркиваться «благодетельное значение царствования Екатерины II для Северо-Западного края, воссоединенного с Россией» [НИАБ, ф. 2507, оп. 1, д. 2921, л. 3—5]. Создаваемая атмосфера «любви» и заботы о народных нуждах, окружавшая конструируемый официальной исторической мифологией образ императрицы, должна была проецироваться на государственные основы в целом, лояльность и служение которым признавалось священным долгом каждого настоящего патриота своей страны и своего края.

3.3. «Усмиритель» Северо-Западного края: чествование памяти виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева

Наиболее знакомым символом власти в регионе стала фигура виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева, с именем которого еще при жизни связывались «умиротворение» края во время Январского восстания 1863—1864 годов, активное противодействие «пришлому» польскому засилью и «спасение исконных русских начал», находившихся в угнетенном состоянии. Образ Муравьева идеально воплощал в себе главные духовные константы русской власти, могущественной и грозной, но справедливой и заботящейся о нуждах простого народа. В сознании западнорусской общественности и части бюрократии сформировалось представление о «муравьевских заветах» как символических критериях следования принципам «русского дела» в крае, в соответствии с которыми оценивалась деятельность того или иного администратора.

Политика меморизации знаковой для всего Северо-Западного региона фигуры, наиболее ярким выражением которой стало торжественное открытие в 1898 году памятника М. Н. Муравьеву в Вильне, имела большое символическое значение не только в плане признания окончательной победы проводимых им «русских начал», но и в смысле демонстрации благотворного влияния его деятельности на весь край, переведенный благодаря решительным действиям российского администратора на путь мирного

развития и процветания в рамках единого государственного пространства. К концу XIX века благодаря усилиям российской власти и общественности фигура М. Н. Муравьева вошла в пантеон исторических героев, стоявших у истоков формирования в регионе общерусской идентичности, понимаемой как цементирующая основа органично построенной империи.

Закладка памятника графу М. Н. Муравьеву 3 октября 1897 года по времени совпала с совершением благодарственных молебнов по случаю 300-летия существования Виленского Свято-Духовного Братства, ставшего во второй половине XIX века символом исторической борьбы в крае с засильем полонизма и латинства. Панихиды в учебных заведениях Виленского учебного округа по случаю закладки памятника сопровождались выступлениями преподавателей и директоров с речами, содержавшими сведения об исторических заслугах «выдающего деятеля Северо-Западного края», а также заслушиванием исторического очерка об основании Виленского Свято-Духовного Братства и его деятельности «в пользу православия» [НИАБ, ф. 2507, оп. 1, д. 2128, л. 1, 4—4 об.]. Актуализация образа графа М. Н. Муравьева «как патриота и как охранителя православия в Западном крае» в общем государственном дискурсе соединялась с «великими подвигами» членов Свято-Духовного братства, совершенными для защиты православия в крае от папства и унии [НИАБ, ф. 2507, оп. 1, д. 2128, л. 6 об.].

Открытие памятника М. Н. Муравьеву и подготовительная работа по обустройству муравьевского музея послужили информационным поводом к публикации в местной периодической печати тематических статей о жизни и деятельности российского администратора по умиротворению и благоустройству края [Последний год..., 1898, с. 2; Слияние Белоруссии..., 1898, с. 2; Подвиг графа..., 1898, с. 2; Памяти гр..., 1898, с. 2; Распоряжения графа..., 1898, с. 417]. На страницах ведущей русской газеты Северо-Западного края «Виленский вестник» развернулась масштабная информационная кампания, посвященная данному событию. В рамках специально созданного отдела «Накануне открытия памятника графу Михаилу Николаевичу Муравьеву в г. Вильне» в течение нескольких месяцев подробно освещались различные стороны государственной деятельности генерал-губернатора, направленные на укрепление русских государственных начал в крае [Накануне открытия..., 1898].

Главная инициатива в создании памятника графу М. Н. Муравьеву принадлежала виленскому генерал-губернатору И. С. Каханову, на основании всеподданнейшего доклада которого в 1891 году император Александр III дал согласие открыть подписку для сбора средств на его сооружение в Вильне. Одновременно с этим был создан комитет, занимавшийся сбором средств и выработкой концепции монумента. На первом заседании

комитета, состоявшемся 25 апреля 1891 года, было разработано воззвание, призывавшее к пожертвованиям на сооружение памятника, в котором артикулировался концепт «восстановления» в символическом пространстве Северо-Западного края «древне-вековых святынь православия», свидетельствующих о его неразрывной исторической связи с центральной Россией [Как создавался..., 1898, с. 3].

Памятник М. Н. Муравьеву был торжественно открыт в Вильне 8 ноября 1898 года. В речах, посвященных данному событию, подчеркивалось единение ревнителей русского дела в общем чествовании всей русской землей памяти «умиротворителя Северо-Западного края» [К торжеству..., 1898], которая в публичном акте «вспоминания» и переосмысления должна «очиститься» от клеветы и ненависти врагов России [Речь..., 1898, с. 1—2]. В приветственном слове уроженца края историка-слависта П. А. Кулаковского Муравьев был назван «продолжателем собирателей Русской земли», одним из творцов единения русского народа, что помещало его образ в одно символическое поле с образом Екатерины II, также названной «собирательницей» русских земель [К торжеству..., 1898, № 246, с. 3].

Следует согласиться с историком Т. Р. Уиксом, утверждавшим, что в официальном дискурсе, созданном в контексте коммеморативных практик по чествованию памяти М. Н. Муравьева, не было открытой антипольской риторики [Weeks, 1999, p. 558]. Особенно ярко это было выражено в речи В. В. Комарова, произнесенной на ужине 8 ноября 1898 года в виленском дворянском клубе, в которой подчеркивалось, что образ Муравьева воплощает «не вражду племенную, не разлад общественный, не ссору братскую... но успокоение и мир» [Речь В. В. Комарова..., 1898, с. 2]. Комаров, являвшийся бывшим сотрудником Муравьева, состоявшим в 1863—1864 годах при виленском генерал-губернаторе для особых поручений, лаконично выразил главный символический посыл, для выражения которого сооружался памятник: «Вековая статуя М. Н. Муравьеву не есть памятник борьбы, но памятник мира, не памятник злобы, — а согласия, так как это памятник торжества русской государственности в нашем Западном крае» [Там же].

Накануне открытия памятника в газете также публиковались воспоминания современников и тематические статьи, содержавшие положительную характеристику деятельности Муравьева по обустройству народных школ и распространению русской грамотности и культуры в северо-западных губерниях [Возрождение..., 1898, с. 2; Граф М. Н. Муравьев..., 1898, с. 1; У памятника..., 1898, с. 2; Насажение..., 1898, с. 2], сведения, свидетельствующие о строгом, но справедливом отношении Главного начальника края к представителям местного общества [К открытию памятника..., 1898, с. 1]. В статьях подчеркивалось, что Муравьев являлся че-

ловеком, уважавшим правду и истину, воевавшим не с польской нацией, а с мятежниками и крамольниками, выступившими против своего Государя. Отмечалось, что при подавлении мятежа он стремился действовать гуманно — вразумлениями и наставлениями, управляя мятежным краем без произвола и насилия [Прибытие в Вильну..., 1898, с. 1; Первые казни, 1898, с. 1]. Особо подчеркивалось попечительское отношение Муравьева к крестьянам края, которые спустя более 30 лет вспоминали о нем с благодарностью, раскрывалась его роль в решении крестьянского вопроса в Северо-Западном крае в русских национально-государственных интересах [Заботы гр. М. Н. Муравьева..., 1898, с. 1].

«Муравьевские» торжества превращались в значимое для всей России историческое событие, названное в одной из статей «Виленского вестника» «торжеством правды и русского национального достоинства», важным событием в контексте «государственно-политического единения» Литвы с Россией [Виленские отголоски, 1898, с. 2], сквозь призму которого происходило переосмысление основ русской национально-государственной идеологии, призванной в новых общественно-политических условиях сформировать общерусское сознание, свойственное всем жителям Российской империи.

В день открытия памятника в приходских и народных училищах края прошли торжественные панихиды, посвященные памяти М. Н. Муравьева, сопровождавшиеся выступлениями преподавателей с речами, содержащими сведения об исторических заслугах «выдающего деятеля Северо-Западного края» и его роли в «обрусении Западного края, укреплении православия, просвещения и умиротворения края во время последнего польского мятежа» [НИАБ, ф. 2507, оп. 1, д. 2176, л. 1; д. 2128, л. 1, 3, 5—5 об., 6 об., 10].

В год открытия памятника помощник попечителя Виленского учебного округа А. В. Белецкий выступил с инициативой создания Муравьевского музея, мотивировав это не только стремлением к справедливой и объективной оценке заслуг русского администратора, которые стали забываться и искажаться, но и необходимостью основания «воспитательного учреждения, в котором может воспитаться в посетителях исторический смысл и истинное понимание задач, которые, по завету истории, должна выполнить Россия в крае» [Миловидов, 1901, с. 135]. Открытие музея для публичного посещения произошло в апреле 1901 года первоначально при Виленской публичной библиотеке, а затем по мере количественного роста материалов он был перемещен в отдельное здание, превратившись со временем в настоящее архивное хранилище, сотрудники которого вели активную археографическую работу, направленную на противодействие «искажению исторической правды» в отношении деятельности М. Н. Муравьева [Хотеев, 2017, с. 37—39].

Некоторые представители западнорусской общественности на основе собственного опыта формировали образ М. Н. Муравьева и особое понимание его заслуг перед Северо-Западным краем. 17 апреля 1901 года перед освещением и открытием в Вильне музея графа М. Н. Муравьева священник Иоанн Котович, входивший в состав комиссии по его устройству, произнес торжественную речь, в которой напомнил собравшимся об идеях и заветах виленского генерал-губернатора, его «беззаветном служении» во благо России и «западнобелорусского» народа. В своей речи Котович определил одну из главных, но не очевидных функций музея — помочь посетителю в самоопределении, в осознании своих ценностей и идеалов. Он также очертил основное назначение не только открывающего музея, но и всей государственной коммеморативной «программы», направленной на увековечивание памяти о деятельности графа М. Н. Муравьева, состоящее, по его мнению, в том, чтобы вызвать у посетителей «высокое патриотическое чувство, лучшие впечатления и верные указания того, как надобно верой и правдой служить своему Государю и отечеству, как надобно изучать местную историю для верного понимания и направления своей деятельности» во благо «западнорусского» края [Котович, 1901, с. 123].

4. Заключение = Conclusions

Основная цель политики памяти в Российской империи на рубеже XIX — XX веков состояла в формировании единой государственной идентичности, по отношению к которой иные формы самоидентификации населения окраинных регионов — этнические, территориальные, конфессиональные — занимали бы подчиненное положение. Коммеморативные практики, выражавшиеся в чествовании выдающихся исторических личностей, чья деятельность была связана с концептом единения окраинных территорий вокруг имперского центра, были призваны доказать неправомерность польских притязаний на Северо-Западный край, легитимизировать право империи на владение ими и способствовать постепенному формированию у местного населения общерусского сознания.

Идейной основой коммеморативных практик российских властей являлось подтверждение морального права Российской империи на управление западнорусскими землями. В рамках концепции цивилизационного мессианства оно обосновывалось необходимостью преодоления «угнетенного» положения местного единоплеменного населения и его просвещения, окончательного преодоления «несчастливых политических обстоятельств», в силу которых западные русские земли оказались в подчинении внешней инокультурной и иноверческой враждебной силы. Официальная мемориальная политика, неотъемлемой частью которой стало чествование

исторических героев Северо-Западного края, была призвана возвеличивать российскую власть как защитницу «униженных и оскорбленных» народных масс вне зависимости от их этнической принадлежности от «крамольников», препятствующих мирному развитию региона, под защитой разумных и благодетельных российских законов. Вместе с тем государственная мемориальная концепция была направлена на поддержание официального дискурса в северо-западных губерниях, основу которого составляла идея «русского культурного первенства». Она также должна была способствовать утверждению идеи об успехе «русского дела» в крае и наличии его многочисленных сторонников, готовых и дальше стоять на защите русских интересов.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
--	--

Источники и принятые сокращения

1. *Анастасий Архимандрит*. Речь, сказанная во время торжественного собрания в Литовской духовной семинарии, по случаю празднования тысячелетия со дня блаженной кончины св. Мефодия, просветителя славян / Архимандрит Анастасий // Литовские епархиальные ведомости. — 1885. — № 15. — 14 апреля. — С. 149—151.
2. *Велеград*, 25 марта (6-го апреля) // Литовские епархиальные ведомости. — 1885. — № 14. — 7 апреля. — С. 134.
3. *Вильна*, 6-го апреля // Литовские епархиальные ведомости. — 1885. — № 14. — 7 апреля. — С. 133.
4. *Вильна*, 10 сентября 1904 г. // Западный вестник. — 1904. — № 243 (800). — 10 сентября. — С. 1.
5. *Виленские отголоски* // Виленский вестник. — 1898. — № 245. — 7 ноября. — С. 2.
6. *Возрождение* русской начальной школы в г. Вильне // Виленский вестник. — 1898. — № 207. — 22 сентября. — С. 2.
7. *Граф М. Н. Муравьев*, как создатель русского театра в Вильне // Виленский вестник. — 1898. — № 227. — 16 октября. — С. 1.
8. *Заботы* гр. М. Н. Муравьева о крестьянах-землепашцах // Виленский вестник. — 1898. — № 242. — 4 ноября. — С. 1.
9. *История* сооружения памятника императрице Екатерине II в Вильне // Западный вестник. — 1904. — № 242 (799). — 9 сентября. — С. 2.
10. *Как* создавался в г. Вильне памятник графу М. Н. Муравьеву // Виленский вестник. — 1898. — № 244. — 6 ноября. — С. 2—3.
11. *Котович И.* Речь, сказанная перед освещением и открытием музея гр. М. Н. Муравьева, 17 апреля 1901 года / И. Котович // Литовские епархиальные ведомости. — 1901. — № 16. — 22 апреля. — С. 123—124.
12. *К открытию* памятника графу М. Н. Муравьеву // Виленский вестник. — 1898. — № 241. — 3 ноября. — С. 1.

13. *К открытию памятника императрице Екатерине II. Речь почетного опекуна, шталмейстера князя В. И. Друцкого-Любецкого* // Западный вестник. — 1904. — № 244 (801). — 11 сентября. — С. 1—2.

14. *К торжеству 8-го ноября* // Виленский вестник. — 1898. — № 246—251 ; № 254—258 ; № 262.

15. *Мефодиевское торжество в г. Гродне* // Литовские епархиальные ведомости. — 1885. — № 16—17. — 28 апреля. — С. 166—167.

16. *Накануне открытия памятника графу Михаилу Николаевичу Муравьеву в г. Вильне* // Виленский вестник. — 1898. — № 190 ; № 207 ; № 209 ; № 215 ; № 220 ; № 238 ; № 242 ; № 244.

17. НИАБ — *Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 2507 (Витебская дирекция народных училищ Министерства народного просвещения). Ф. 2507. Оп. 1. Д. 1714 ; Д. 2128 ; Д. 2176 ; Д. 2921.*

18. НИАБ — *Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 458 (Дирекция народных училищ Минской губернии). Ф. 458. Оп. 1. Д. 194.*

19. *Насажение русской школы в Северо-Западном крае* // Виленский вестник. — 1898. — № 242. — 4 ноября. — С. 2.

20. *Памяти гр. М. Н. Муравьева* // Виленский вестник. — 1898. — № 245. — 7 ноября. — С. 2.

21. *Первые казни и участие римско-католического духовенства в крамоле* // Виленский вестник. — 1898. — № 215. — 1 октября. — С. 1—2.

22. *Празднование тысячелетия со дня блаженной кончины просветителя славян св. Мефодия в Вильне 6—7 апреля* // Литовские епархиальные ведомости. — 1885. — № 15. — 14 апреля. — С. 140—142.

23. *Прибытие в Вильну генерала-от-инфантерии Муравьева 2-го* // Виленский вестник. — 1898. — № 209. — 24 сентября. — С. 1.

24. *Победоносцев К. П.* Письмо от 3 апреля 1885 года / К. П. Победоносцев // Письма Победоносцева к Александру III : в 2 т. — Москва : Новая Москва, 1926. — Т. 2. — 384 с.

25. *Подвиг графа М. Н. Муравьева* // Виленский вестник. — 1898. — № 243. — 5 ноября. — С. 2.

26. *Последний год жизни графа М. Н. Муравьева* // Виленский вестник. — 1898. — № 237. — 29 октября. — С. 2.

27. *Распоряжения графа М. Н. Муравьева по делу народного образования в Северо-Западном крае в 1863—1865 годах* // Литовские епархиальные ведомости. — 1898. — № 45. — 8 ноября. — С. 417—421.

29. *Речь действительного тайного советника И. П. Корнилова (б. попечителя виленск. уч. окр.), присланная к 8 ноября сего года* // Виленский вестник. — 1898. — № 252. — 14 ноября. — С. 1—2.

30. *Речь В. В. Комарова на ужине 8-го ноября в дворянском клубе, в г. Вильне* // Виленский вестник. — 1898. — № 249. — 11 ноября. — С. 2.

31. *Речь на акте П. Н. Жуковича* // Литовские епархиальные ведомости. — 1885. — № 15. — 14 апреля. — С. 145—149.

32. *Речь А. В. Белецкого, произнесенная 7-го апреля 1885 г. на вечере в зале виленского дворца* // Литовские епархиальные ведомости. — 1885. — № 15. — 14 апреля. — С. 151—154.

33. *Речь П. Д. Мелиоранского на мефодиевском акте народных училищ в Гродне* // Литовские епархиальные ведомости. — 1885. — № 16—17. — 28 апреля. — С. 167—169.

34. *Слияние Белоруссии с общей единой Россией* // Виленский вестник. — 1898. — № 239. — 31 октября. — С. 2.

35. *У памятника графа М. Н. Муравьева* // Виленский вестник. — 1898. — № 231. — 21 октября. — С. 2.

Литература

1. Бендин А. Ю. Михаил Муравьев-Виленский. Умиритель и реформатор Северо-Западного края Российской империи / А. Ю. Бендин. — Москва : Книжный мир, 2017. — 416 с. — ISBN 978-5-9909785-8-4.

2. Бурдые П. Социология социального пространства / П. Бурдые ; пер. с фр. Н. А. Шматко. — Москва : Институт экспериментальной социологии ; Санкт-Петербург : Алетейя, 2007. — 288 с. — ISBN 978-5-903354-05-4.

3. Долбилов М. Д. Город едва ли свой, но и не вовсе чуждый : Вильна в имперском и националистическом воображении русских (1860-е годы — начало XX века) / М. Д. Долбилов // Новое литературное обозрение. — 2017. — № 2 (144). — С. 60—76.

4. Коялович М. О. Чтения по истории Западной России / М. О. Коялович. — Санкт-Петербург : Тип. А. С. Суворина, 1884. — 349 с.

5. Крот М. Н. «Мирное завоевание умов и сердец силою просвещения...» : деятельность Виленского отдела «Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III» / М. Н. Крот // История. — 2022. — Т. 13. — Выпуск (112). — DOI: 10.18254/S207987840018225-6.

6. Малинова О. Ю. Введение. Символическая политика / О. Ю. Малинова, А. И. Миллер // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе : сб. статей / под ред. В. В. Лапина, А. И. Миллера. — Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. — С. 7—37. — ISBN 978-5-94380-317-8.

7. Мегилл А. Историческая эпистемология / А. Мегилл ; пер. М. Кукарцевой, В. Катаева, В. Тимонина. — Москва : «Канон+» ; РООИ «Реабилитация, 2007. — 480 с. — ISBN 978-5-88373-150-0.

8. Миловидов А. И. Муравьевский музей в Вильно / А. И. Миловидов // Виленский календарь на 1902 г. — Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1901. — С. 131—157.

9. Сталюнас Д. Польша или Русь? Литва в составе Российской империи / Д. Сталюнас. — Москва : Новое литературное обозрение, 2022. — 376 с. — ISBN 978-5-4448-1826-8.

10. Уайтхед А. Н. Символизм, его смысл и воздействие / А. Н. Уайтхед. — Томск : Водолей, 1999. — 64 с. — ISBN 5-7137-0108-5.

11. Уортман Р. С. Сценарии власти : мифы и церемонии русской монархии : в 2-х т. / Р. С. Уортман. — Москва : ОГИ, 2004. — Т. 2 : от Александра II до отречения Николая II. — 796 с. — ISBN 5-94282-252-2.

12. Хотеев А. Музей памяти графа М. Н. Муравьева в Вильно (1901—1915 гг.) / А. Хотеев // Аспект. — 2017. — № 3 (3). — С. 36—40.

13. Черепица В. Н. «Литовские епархиальные ведомости» и западнорусизм [Электронный ресурс] / В. Н. Черепица // Западная Русь. — Режим доступа : <https://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2012-04-11-15-07-21/623--l-r.html> (дата обращения 07.07.2023).

14. Vázquez-Liñán M. Historical memory and political propaganda in the Russian Federation / M. Vázquez-Liñán // Communist and Post-Communist Studies. — 2017. — Vol. 50. — № 2. — Pp. 77—86.

15. *Weeks Th. R. Monuments and Memory : Immortalizing Count M. N. Muraviev in Vilna, 1898 / Th. R. Weeks // Nationalities papers.* — 1999. — Vol. 27. — № 4. — Pp. 551—564.

*Статья поступила в редакцию 12.07.2023,
одобрена после рецензирования 28.08.2023,
подготовлена к публикации 20.09.2023.*

Material resources

- A. V. Beletsky's speech delivered on April 7, 1885 at an evening in the hall of the Vilna Palace. (1885). *Lithuanian Diocesan Vedomosti*, 15. April 14. 151—154. (In Russ.).
- Anastasius Archimandrite. (1885). A speech delivered during a solemn meeting at the Lithuanian Theological Seminary, on the occasion of the celebration of the millennium since the blessed death of St. Methodius, the enlightener of the Slavs. *Lithuanian Diocesan Vedomosti*, 15. April 14. 149—151. (In Russ.).
- Arrival in Vilna of the general-from-infantry Muravyov 2nd. (1898). *Vilna Bulletin*, 209. September 24. P. 1. (In Russ.).
- At the monument of Count M. N. Muravyev. (1898). *Vilensky Vestnik*, 231. October 21. P. 2. (In Russ.).
- Celebration of the millennium since the blessed death of the enlightener of the Slavs St. Methodius in Vilna on April 6—7. (1885). *Lithuanian Diocesan Gazette*, 15. April 14. 140-142. (In Russ.).
- Count, M. N. (1898). Muravyev, as the creator of the Russian theater in Vilna. (1898). *Vilna Bulletin*, 227. October 16. P. 1. (In Russ.).
- For the opening of the monument to Empress Catherine II. Speech of the honorary guardian, stalmaster of Prince V. I. Drutsky-Lyubetsky. (1904). *Western Bulletin*, 244 (801): 11 September. 1—2. (In Russ.).
- How the monument to Count M. N. Muravyov was created in Vilna. (1898). *Vilna Bulletin*, 244. November 6. 2—3. (In Russ.).
- In memory of gr. M. N. Muravyov. (1898). *Vilensky Vestnik*, 245. November 7. P. 2. (In Russ.).
- Kotovitch, I. (1901). The speech said before the lighting and opening of the museum of gr. M. N. Muravyov, April 17, 1901. *Lithuanian Diocesan Vedomosti*, 16. April 22. 123—124. (In Russ.).
- Methodiu's celebration in Grodno. (1885). *Lithuanian Diocesan Vedomosti*, 16—17. April 28. 166—167. (In Russ.).
- NIAB — *National Historical Archive of Belarus. F. 2507 (Vitebsk Directorate of Public Schools of the Ministry of Public Education). F. 2507. Op. 1. d. 1714; d. 2128; D. 2176; D. 2921.* (In Russ.).
- NIAB — *National Historical Archive of Belarus. F. 458 (Directorate of Public Schools of Minsk province). F. 458. Op. 1. D. 194.* (In Russ.).
- On the eve of the opening of the monument to Count Mikhail Nikolaevich Muravyov in Vilna. (1898). *Vilna Bulletin*, 190; 207; 209; 215; 220; 238; 242; 244. (In Russ.).
- Orders of Count M. N. Muravyev on the case of public education in the North-Western Region in 1863—1865. (1898). *Lithuanian Diocesan Vedomosti*, 45. November 8. 417—421. (In Russ.).
- Planting of the Russian school in the North-Western region. (1898). *Vilensky Vestnik*, 242. November 4. P. 2. (In Russ.).
- Pobedonostsev, K. P. (1926). Letter of April 3, 1885. In: *Letters of Pobedonostsev to Alexander III: in 2 vols.*, 2. Moscow: New Moscow. 384 p. (In Russ.).

- Speech of P. D. Melioransky at the Methodius act of public schools in Grodno. (1885). *Lithuanian Diocesan Vedomosti*, 16—17. April 28. 167—169. (In Russ.).
- Speech of the real privy councilor I. P. Kornilov (b. trustee of Vilensk. uch. okr.), sent by November 8 of this year. (1898). *Vilensky Vestnik*, 252. November 14. 1—2. (In Russ.).
- Speech on the act of P. N. Zhukovich. (1885). *Lithuanian diocesan Vedomosti*, 15. April 14. 145—149. (In Russ.).
- The concerns of gr. M. N. Muravyov about peasant farmers. (1898). *Vilensky Vestnik*, 242. November 4. P. 1. (In Russ.).
- The feat of Count M. N. Muravyev. (1898). *Vilensky Vestnik*, 243. November 5. P. 2. (In Russ.).
- The first executions and the participation of the Roman Catholic clergy in the sedition. (1898). *Vilna Bulletin*, 215. October 1. 1—2. (In Russ.).
- The history of the construction of the monument to Empress Catherine II in Vilna. (1904). *Western Bulletin*, 242 (799). 9 September. P. 2. (In Russ.).
- The last year of Count M. N. Muravyov's life. (1898). *Vilensky Vestnik*, 237. October 29. P. 2. (In Russ.).
- The merger of Belarus with the common united Russia. (1898). *Vilensky Vestnik*, 239. October 31. P. 2. (In Russ.).
- The revival of the Russian primary school in Vilna. (1898). *Vilna Bulletin*, 207. September 22. P. 2 (In Russ.).
- To the celebration of November 8th. (1898). *Vilensky Vestnik*, 246—251; 254—258; 262. (In Russ.).
- To the opening of the monument to Count M. N. Muravyov. (1898). *Vilensky Vestnik*, 241. November 3. P. 1. (In Russ.).
- V. V. Komarov's speech at the dinner on November 8th at the noble club, in Vilna. (1898). *Vilna Bulletin*, 249. November 11. P. 2. (In Russ.).
- Velegrad, March 25 (April 6). (1885). *Lithuanian Diocesan Vedomosti*, 14. April 7. P. 134. (In Russ.).
- Vilna echoes. (1898). *Vilna Bulletin*, 245. November 7. P. 2. (In Russ.).
- Vilna, April 6. (1885). *Lithuanian Diocesan Vedomosti*, 14. April 7. P. 133. (In Russ.).
- Vilna, September 10, 1904. (1904). *Western Bulletin*, 243 (800). 10 September. P. 1. (In Russ.).

References

- Bendin, A. Y. (2017). *Mikhail Muravyev-Vilensky. The pacifier and reformer of the North-Western Edge of the Russian Empire*. Moscow: Book World. 416 p. ISBN 978-5-9909785-8-4. (In Russ.).
- Bourdieu, P. (2007). *Sociology of social space*. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteya. 288 p. ISBN 978-5-903354-05-4. (In Russ.).
- Cherepitsa, V. N. "Lithuanian diocesan vedomosti" and Western Russianism. *Western Russia*. Available at: <https://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2012-04-11-15-07-21/623--l-r.html> (accessed 07.07.2023). (In Russ.).
- Dolbilov, M. D. (2017). The city is hardly his own, but not at all alien: Vilna in the imperial and nationalist imagination of Russians (1860s — the beginning of the twentieth century). *New Literary Review*, 2 (144): 60—76. (In Russ.).
- Khoteev, A. (2017). Museum of memory of Count M. N. Muravyev in Vilna (1901—1915). *Aspect*, 3 (3): 36—40. (In Russ.).
- Koyalovich, M. O. (1884). *Readings on the history of Western Russia*. St. Petersburg: A. S. Suvorin Type. 349 p. (In Russ.).

- Malinova, O. Yu., Miller, A. I. (2021). Introduction. Symbolic politics. In: *Symbolic aspects of memory politics in modern Russia and Eastern Europe: collection of articles*. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg. 7—37. ISBN 978-5-94380-317-8. (In Russ.).
- Megill, A. (2007). *Historical epistemology*. Moscow: “Canon+”; ROOI “Rehabilitation”. 480 p. ISBN 978-5-88373-150-0. (In Russ.).
- Milovidov, A. I. (1901). Muravyevsky Museum in Vilna. In: *Vilna calendar for 1902*. Vilna: Type. A. G. Syrkin. 131—157. (In Russ.).
- Mole, M. N. (2022). “Peaceful conquest of minds and hearts by the power of enlightenment...”: activity of the Vilna department of the “Society of Zealots of Russian historical Enlightenment in memory of Emperor Alexander III”. *History*, 13 (112). DOI: 10.18254/S207987840018225-6. (In Russ.).
- Staljunas, D. (2022). *Poland or Rus? Lithuania as part of the Russian Empire*. Moscow: New Literary Review. 376 p. ISBN 978-5-4448-1826-8. (In Russ.).
- Vázquez-Liñán, M. (2017). Historical memory and political propaganda in the Russian Federation. *Communist and Post-Communist Studies*, 50 (2): 77—86.
- Weeks, Th. R. (1999). Monuments and Memory: Immortalizing Count M. N. Muraviev in Vilna, 1898. *Nationalities papers*, 27 (4): 551—564.
- Whitehead, A. N. (1999). *Symbolism, its meaning and impact*. Tomsk: Aquarius. 64 p. ISBN 5-7137-0108-5. (In Russ.).
- Wortman, R. S. (2004). *Scenarios of power: myths and ceremonies of the Russian monarchy: in 2 volumes*, 2. Moscow: OGI. 796 p. ISBN 5-94282-252-2. (In Russ.).

*The article was submitted 12.07.2023;
approved after reviewing 28.08.2023;
accepted for publication 20.09.2023.*